

РОССИЙСКАЯ КУЛЬТУРА: ОСОБЕННОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Г.Л. ТУЛЬЧИНСКИЙ

Российская культура: почему она такая и что с нею делать? Многие, давно и многократно, отмечали специфику ценностного содержания российского сознания и культуры. Не менее общим местом стало и признание неконструктивности традиционной российской культуры, ее несовместимости с инновационным развитием, модернизацией российского общества, экономики, политики. К сожалению, большинство таких публикаций носит во многом умозрительный оценочно-публицистический характер. Более конструктивным представляется, во-первых, объективно, безоценочно подойти к ценностному комплексу, выявляемому на анализе реальных проявлений отечественной культуры и общественной жизни, в которых эти ценности находят свое выражение; во-вторых, понять причины, источники формирования и воспроизводства этого комплекса; наконец, только после этого, в-третьих, — сформулировать отношение к перспективам этой культуры.

Какая она?

В свое время, отталкиваясь от такого конкретного материала, как славянская мифология, особенности русского православия, российская художественная культура (прежде всего — литература), философия, политическая и экономическая история, фольклор, дискурс обыденного опыта, воспоминания отечественных и зарубежных путешественников, была предложена систематизация этого ценностного содержания¹. Каковы же его основные компоненты?

Сердцевиной этого ценностного комплекса является *анофатичное отношение к реальности*. Эта жизнь «здесь и сейчас» ценностью не является. Ценностью является жизнь иная: в потустороннем мире, в светлом будущем, «за бугром». Потому что «эта жизнь» — юдоль страдания, нравственного испытания. И чем больше я пострадаю в этом мире, тем больше мне воздастся, но не здесь, а где-то «там» и «потом». Поэтому ценностью является нравственная личность, способная жить «по правде» («не по лжи»), а главное — за эту правду пострадать.

Но если эта жизнь в этом мире не обладает ценностью, то лишено особого смысла и то, что ее сопровождает и наполняет: здоровье, труд, собственность. Следствием этого является не только духовное подвижничество, но и пренебрежение к своей и чужой

жизни, охране труда, технике безопасности, к результатам своего и чужого труда. Поскольку воздаяние возможно только «после жизни», человек оказывается не в состоянии своим трудом сделать свою жизнь лучше. «Птицы небесные не сеют и не жнут, но корм имеют»... Не удел человеческий — думать о своем достатке: «Бог дал, Бог взял». В славянском язычестве нет культурного героя — персонажа вроде Прометея или Вайнемейнена, который научил ремеслу, земледелию. Никто из титульных русских поэтов не воспел труд. Если он и упоминается, то как что-то тяжкое и подневольное. Но все упреки в пьянстве, нечистоплотности, лени и т.п. бьют мимо цели. Не о том надо думать, а о душе! Был бы человек хороший...

В то же время труду противопоставляется *творчество* — единовременный акт богоподобного творения «вдруг», «из ничего», усилием воли нравственного героя. Это не просто надежда на «авось» от безысходности, это вера в торжество нравственного усилия, которое сродни чуду. В этом коренится так называемый *утопизм* — от безответственной маниловщины до агрессивного революционаризма. Мы живем в ситуации непрерывного кризиса. И вечный бой. Покой нам только снится.

Апофатика в сочетании с подобным *нравственным максимализмом* усиливает пренебрежение свободой, достоинством личности, наконец — правом как их гарантией. *Правовой нигилизм* разлит на всех уровнях общественной жизни и во всех формах общественного сознания². Дело отнюдь не в коррупции как таковой, а в нравственной среде ее порождающей. «Благодать выше закона». «Праведнику закон не лежит». Идеи права и свободы либо высмеиваются, либо отвергаются как проявление слабой воли. «Закон что дышло — куда повернул, туда и вышло», «Я начальник — ты дурак, ты начальник — я дурак». Закон, как говорил К. Аксаков, «немецкий фокус», которым иногда можно пользоваться, а иногда переступать — главное, чтобы человек был хороший. Это объясняет многие реальности современной российской политической жизни, необъяснимые для внешнего наблюдателя.

Пренебрежение реальностью, стремление к трансцендентному доходит до *эскапизма* и *эсхатологизма*. Наш взгляд устремлен не себе под ноги и не на своих ближних. Мы всегда вовне, в ауте, не здесь, вглядываясь в запредельное, и переживая драйв трансцендентного. Все мы не хозяева на этом празднике жизни, а только путники и не жильцы в этом мире. Выражается это не только в том, что «везде хорошо, где нас нет», в стремлении к некоей потусторонней высшей справедливости, но и в небрежении не то что здоровьем, а и собственной и чужой жизнью. Топить врага в своей крови, бить своих, чтоб чужие боялись... Исследования показывают, что главная причина смертности российских мужчин трудоспособ-

ного и детородного возраста 20 — 55 лет (в результате самоубийства, болезней, несчастного случая, убийства, отравления алкоголем, ДТП) — не уровень жизни, а низкая ценность самой жизни, пренебрежение ею³. Этот народный эсхатологизм власть всегда цинично использовала в военных и экономических авантюрах.

Уход от реальности лишает личность мотивации к ответственным отношениям с людьми. В поисках высшей справедливости «для всех» человеческая индивидуальность, личность выступает лишь элементом, средством реализации и воплощения *общности, всеединства, соборности* и т.п. Если это «коллективизм», то основанный не на общности интересов. Каждый, кто заявляет о своих интересах, оказывается выскочкой, противопоставляющей себя «миру», тогда как любой самозванец получает право говорить от имени этого мира.

Это придает неповторимость российскому соотношению *народа и власти*. На разных этапах истории государственная власть на Руси не выростала из народа. Она возникла не для защиты крестьян, ремесленников и купцов, а как механизм вотчинного кормления, основанного на отождествлении власти и собственности⁴. Обездоленный (лишенный доли) народ — не хозяин своей жизни, субстанция пассивно претерпевающая. Решение любых, даже частных проблем, возможно лишь при условии всеобщего переустройства волею власти. Народ же — средство достижения целей властной воли. Только в периоды смертельной опасности, полной несостоятельности государственной власти народ просыпается, спасает отечество и... вновь отдается очередной власти.

Отношение народа и власти — главный нерв российской культуры — глубоко противоречиво. Власть не воспринимается своей. Она всегда какая-то чужая. У власти всегда «не те»: партократы, дерьмократы, чинодралы, ворье... На государство, как на врага, не распространяются моральные запреты. Его можно обманывать, у него можно красть, данные ему обещания можно не выполнять. Но зато на нее возлагается вся полнота ответственности — от экономики в целом до мусора в подъезде. Сам же русский человек всегда невменяем — в обоих русских смыслах слова. И чист и наивен как дитя или Веничка Ерофеев. Стереотип исторической безответственности россиян. Но во всех бедах виноваты внешние силы: американцы, жидомасоны, кавказцы...

Нравственный максимализм и страстотерпение оборачиваются своеобразным садо-мазохистским синтезом кротости народной и «крутости» власти, ее полного произвола. Наша власть не может стать властью жителей России, властью не для себя, а для них. При этом русские остаются «племенем власти» (Г. Павловский), «этносом власти» (М. Гефтер). Свобода воли как воля к неволе...

Таким образом, мы имеем дело с исключительно целостным миропониманием и мироощущением⁵, нравственной культурой с очень высоко поднятой планкой. Это этика спасения, предуготовления, но никак не жизни в этом мире. Она связана с очень напряженным нравственным чувством, практически не знающим нормативности. Это чувство не дает человеку мотивации к жизни, личность оказывается фактически без поддержки, один на один с жизнью, полной мучительного страдания. Российский духовный опыт — опыт перманентной лиминальности, маргинальности в реальной жизни и апофатичности, если не аутизма. Эта почва оказалась благодатной для восприятия идеи коммунизма, общества, построение которого требует высочайшего напряжения нравственных и физических сил, личного самоотвержения и самопожертвования. Пострадать за высокую идею не грех, не грех и других не пожалеть. Свобода же и право — как были, так и остаются невостребованными, в лучшем случае являются данью европейской традиции, вещью отнюдь не для «внутреннего употребления».

Действительно, что нам хорошо, то немцу смерть. Думается, что Б. Гройс и И. Смирнов лишь отчасти правы, говоря, что Россия — бессознательное Европы (получается, что Европа — наше сознание?). Скорее мы — Танатос Европы.

И тем не менее... Именно на этом ценностном комплексе замешана тема униженных и оскорбленных, с которой великая русская литература вошла в мировую. Именно он лежит в основе русского православного кенозиса: почти все русские православные святые — от Бориса и Глеба до Николая Романова — страдальцы, принявшие смерть безвинную, мученическую и принявшие ее безропотно.

Думается, что задача заключается не в клеймении культурно-исторического наследия, отказе от него, а в спокойном анализе источников, факторов его исторической устойчивости и перспектив.

Почему она такая?

Что породило такую культуру? Честный ответ должен учитывать, что любая культура (тем более — столь упорно воспроизводимая, как российская), являясь механизмом порождения, хранения, трансляции социального опыта, наделяет своих носителей определенной жизненной компетентностью. Она задает определенный эффективный способ жизни, позволяющий данному этносу выживать в определенных условиях, вписавшись в «кормящий ландшафт».

И дело, наверное, не столько в особенностях дохристианского славянского язычества, финно-угорского «следа», русской

православной апофатики, философии, художественной литературы... Скорее, наоборот — сами они фиксировали и выражали, осмыслили определенный способ жизни. Поэтому причины надо искать именно в самом этом способе жизни, иначе говоря, — особенностях российской экономической и политической истории.

Во-первых, это история российской государственности. На всем протяжении российской истории не собственность рождала власть, а власть порождала собственность и постоянно ее переделывала.

Недаром, во-вторых, русская история, это, во многом — история «исхода»: наиболее здоровая часть русского этноса в поисках лучшей доли всегда бежала от собственной власти на Дон, за Кубань, на Урал и за Урал, через Сибирь, через Берингов пролив... И везде, куда бы он ни уходил, вольнолюбивый русский человек оказывался, в конечном счете, первопроходцем обездоливавшей его империи. Исторический факт: Россия колонизировала 1/6 части суши, практически не ведя колониальных войн, каковых была только одна — до сих пор не оконченная — Кавказская.

И, наконец, в-третьих, это особенности хозяйствования, которые русский человек воспроизводил, где бы он ни оказался, и который определялся особенностями исторической родины русского этноса. Речь идет о подсечном земледелии в лесной зоне на бедных подзолистых почвах, когда полноценный урожай снимался только первые два года после подсеки, после чего нужно было переходить на новый участок. Краткость благоприятных условий для посевной и уборки урожая (дожди, заморозки иногда заставляют вести счет на дни и часы) выработала этнический опыт «аварального» труда — относительно кратковременного чрезвычайного напряжения сил с последующим расслаблением (длительная зима всегда оставляла крестьянину время для бортничества, охоты, отхожего промысла, спокойных работ по дому).

Короче говоря, русский крестьянин не мог, подобно немецкому, размеренно трудиться на одном и том же земельном участке. Более того, пожар, засуха, очередное княжье или боярское «кормление» могли его лишить урожая и скромного достатка в считанные часы. И тогда у него фактически оставалась альтернатива: либо идти на большую дорогу с сумой за плечами, либо с кистенем в руках становиться под мост на той же большой дороге. «От сумы да от тюрьмы не зарекайся!». Кроме того, все эти трудности и напасти, с очевидностью, легче переносить не в одиночку, а сообща. Поэтому община, «мир» были столь органичны русскому образу жизни — вместе легче в сжатые, отведенные природой сроки, посеять и убрать урожай, заготовить корма, пасти скот, отстроить новую избу. Деревни русские стоят не так как европейские (дом посреди обрабатываемого участка), а дом к дому,

и землю обрабатывать приходится ходить иногда за несколько километров. Да и сами земельные наделы миром ежегодно перераспределялись в зависимости от изменяющихся обстоятельств — практика, сохранившаяся до сих пор. В силу всех этих причин русский крестьянин никогда особенно не был привязан к собственности, а его традиционное жилище (деревянная изба или землянка) выглядят временными пристанищами, отнюдь не родовым гнездом, передаваемым по наследству.

Главная черта российской культуры — негативное отношение к реальному бытию — сказывается на всем протяжении нашей истории. Именно поэтому рецепция западных идей изменяла их до неузнаваемости: рационализм Просвещения оборачивался оправданием терроризма (сначала индивидуального, потом — массового), позитивизм — нигилизмом, марксизм — большевизмом, либерализм — самозванством.

Ключевой вопрос для понимания природы специфики российской культуры, так же, впрочем, как и ее перспектив, — вопрос о собственности. Вся собственность на Руси, как говорил В.В. Розанов, от того, что либо ограбил кого, либо выпросил в подарок. Только за предыдущее столетие в стране пять раз радикально менялся собственник. На глазах одного поколения, по историческим меркам — мгновенно. Какое оно твоё? Я отлично помню, как оно было не твоим. И я знаю — КАК оно стало твоим! Опросы показывают, что граждане РФ до сих пор не видят ни правовых, ни нравственных оправданий последствиям мгновенной приватизации. И при этом более 70% граждан готовы стать новыми собственниками. Жаль, во времена коллективизации не было РОМИРа, Левада-центра... Подавляющее большинство граждан — не хозяева своей жизни, они обездолены, буквально — лишены доли. А если у человека границы его ответственности, а значит — и свободы, совпадают с кожно-волосатым покровом, его интересы не отличаются социальной конструктивностью.

Обездоленному человеку нечем гордиться кроме собственного происхождения. Вокруг он видит одни угрозы и опасности. Преступность, коррупция, насилие, цены, мигранты... Голова идет кругом. Кто виноват? Диагноз хорошо известен. Олигархи, инородцы, «демократы», НАТО... Известно и кто спасет — «наши» крепкие ребята... по ту сторону добра и зла. Так возникает «красно-черный» синтез, синтез красной и черной идей, предсказанный почти сразу после революции С. Франком и С. Аскольдовым.

Что с нею делать?

Таким образом, дело, очевидно, не в традиционности культуры, а в ее качественной специфике. Это во-первых. А во-вто-

рых, в способности воспользоваться потенциалом традиционной культуры.

Можно, конечно, спорить — то ли образ жизни породил отношение к ней, то ли отношение определяет и воспроизводит сценарий жизни. Они уже сплелись и переплелись, воспроизводясь в бесконечной череде поколений.

Как вырваться из этого круга? Есть ли у России свой путь свободы и ответственности? Становится ясно, что дело не в деньгах, сырье, оборудовании, но в людях, их отношении к себе и другим, мотивации к жизни и труду.

Есть ли конструктивный потенциал у российской традиционной культуры? Исторический опыт упорно показывает роль и значение традиционной культуры как важнейшем условии и предпосылке инновационного развития⁶. Так было в Японии, так происходит в Китае. Там коллективизм почему-то не помешал, а даже помог этим странам совершить успешную модернизацию. Ярким примером опоры на имперскую культуру является Сингапур⁷.

Так и в российской традиционной культуре заложен колоссальный потенциал. Например, приоритет творчества — богоподобного акта создания чего-то нового почти из ничего, усилием воли. И это не просто трансцендирование в иное. С этим связана и особая «креативность», смекалка — голь на выдумки хитра. А неприхотливость и долготерпеливость, готовность перестрадать, перетерпеть!? А самоотверженность в критических ситуациях!? В этом коренятся все великие исторические победы нашего народа. Об этом наша великая литература. Разве это не золотой фонд любого российского реформатора!? Может, над нами и экспериментируют столь бездарно все кому не лень, потому как готовность к реформам оборачивается готовностью поверить авантюристам, обещающим «светлое будущее», даже если это мифологизированный свободный рынок или нанотехнологии. Потому-то нас и шарахает из одной крайности в другую, что мы не укоренены в этой жизни. Пожалуй, только один такой порыв оказался конструктивным: освоение космоса — оставшийся в истории заслуженный предмет нашей гордости.

Печально, но до сих пор неверно оценивается главное наше богатство — не столько природные ресурсы, сколько люди — неприхотливые и терпеливые, образованные, оказавшиеся мудрее своих правителей, поражающие весь мир долготерпением и уникальной способностью к самообеспечению и выживанию.

И тогда задача сводится к возможности стать человеку хозяином своей жизни, возможности ответственно плести ткань реальной жизни, а не очумелой борьбе «во имя» авантюры очередных самозванцев.

Собственно, «заколдованный круг» уже рвется. Как уже писалось, современная Россия наполовину медиальна — в плане торжества ценностей массовой культуры, размывающей трансцендентализм... И при этом российское общество остается расколотым. Но уже не в плане ментальном, а в плане собственности. Задача — в сближении двух концов ножниц: дисперсной массовой культуры и имущественно расслоенного общества. Но это уже вопросы конкретных технологий и социальных практик. Таких, как социальное позиционирование собственности и российского бизнеса, наращивание тканей социального партнерства, выработка внятной и вменяемой социальной политики, конструктивное обращение с имперским культурно-историческим наследием, имеющим важный человеческий капитал.

Кто кого? Медиальная культура массового общества или антирыночное общественное мнение. Кто возьмет верх, такая Россия и будет — целиком или по частям.

Есть ситуация свободы и есть ситуация воли. Свободен я только там и тогда, где и когда я сам принимаю решения. И тогда сфера моей свободы совпадает со сферой моей ответственности. Но зато и отвечать я могу только за то, в чем я свободен. Свобода и ответственность — как две стороны одного листа — друг без друга немислимы и друг друга предполагают. Как я могу стать свободней? Только расширив свою ответственность. А сделать я это могу, только учтя интересы других людей, сочетая их со своими, переплетая их со своими. Сделать это я могу только отнесясь к ним как к таким же свободным людям. Свободное общество потому и богатеет, что это общество взаимного удовлетворения взаимного спроса. Социальное пространство всюду структурировано взаимным спросом и взаимной ответственностью. Это ситуация свободы.

И есть ситуация воли. Когда я напрочь не учитываю интересы других. У меня есть идея! И ради нее я себя не жалею, но и других не пощажу. Чисто российско-советская ситуация — купца ограблю, старушку угроблю — зато идея хороша! В ситуации воли я не ответствен. Я — самозванец, меня как меня нет, есть «я от имени». В ситуации воли социальное пространство не структурировано. Оно пусто. В нем, как в пустом барабане шары, носятся со своими идеями, сталкиваются самозванцы, налетают друг на друга, отлетают, гремят, бренчат. Каждый «надувает жабры», все играют в «крутых ребят».

Если итог ситуации свободы — созидание и творчество, то итог ситуации воли — шум и грохот, в конечном счете — разрушение. Столкновение волей, война волей усмирятся только самой сильной волей сверхсамозванца, насилием и установлением

иерархии «ответственности». В кавычках, потому как административно-канализационная сверху вниз ответственность не порождает ничего, кроме фактической всеобщей безответственности. Человек будет делать все, чтобы уйти от ответственности, чтобы принимаемые решения были не его решениями. Ответственность будет перекладываться на вышестоящий приказ, смежников, погодные условия, климат, происки врагов и т.д.

Воля — инстинкт свободы. Свобода — сознание воли, самоопределение и самопреодоление, постановка пределов и границ своей ответственности. Свобода — самоограничение воли. Как знание пределов и как выход к новым пределам, как новый ответ другим. И тогда понятно, что собственность — категория свободы, но не воли. Воля — источник духовного самоутверждения. Свободой она может стать только через собственность, как воплощенную ответственность. А если свобода — мера моей укорененности в жизни, моего не-алиби-в-бытии, как говорил М.М. Бахтин, то она становится моей судьбой, конкретным содержанием, проживаемой и переживаемой тканью бытия. Моя часть в общей ответственности за целое мира — моя жизненная доля и есть моя судьба. Но это *моя* судьба только в той мере, в какой я свободен-ответствен в этой доле. Гармоничное целое мира и складывается из неповторимых доль-судеб. Обездоленный — не укоренен в бытии, лишен судьбы-доли, себя самого, обречен на самозванство и невменяемость.

В истории не было, нет, и, думается, никогда не будет народа, добившегося успеха за счет самоуничтожения и посыпания головы пеплом. Но и гордиться неоднозначным прошлым тоже не стоит. Невозможно взять в будущее только плюсы. Но можно минусы переплавлять в плюсы. Надо трезво и спокойно понять свое прошлое, ясно увидеть свое настоящее, принять их как факт и строить будущее — поняв самих себя, кто мы такие, жить дальше. Понять, прежде всего, хотим ли мы *жить* в этом мире, и если хотим, то как? И чего мы хотим от этой жизни? Если мы хотим в ней обустраиваться, то и надо строить *свой* дом.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: *Tulchinsky G. Culture and Mythocracy // Re-Entering the Sign: New Critical Languages in the Soviet Union /Ed. by Ellen Berry and Anesa Miller-Pogacar. Bowling Green: University of Michigan, 1991; Тульчинский Г.Л. Безответственная нетерпимость. Феноменология и судьба советского духа // Нева. 1991. № 5. — С. 145 — 157; Тульчинский Г.Л. Постмодерн и российско-советский духовный опыт // Silentium. Вып.3 — СПб.: Эйдос, 1996. — С. 535 — 544. Более подробно см.: Тульчинский Г.Л. Самозванство. Феноменология зла и метафизика*

свободы. — СПб.: РХГИ. 1996. — С. 247 — 357 (гл. VI. Российский и советский духовный опыт: Феноменология и судьба); *Тульчинский Г.Л.* Постчеловеческая персонология. Новые перспективы свободы и рациональности. — СПб.: Алетейя, 2002. — С. 475 — 563 (гл. 6. Лиминальное как национальное: содержание и судьба российско-советского духовного опыта).

² См. также: Общество и политика. — СПб.: 2000. — С. 342 — 360.

³ Там же. — С. 315.

⁴ *Пайнс Р.* Россия при старом режиме. — М., 1993.

⁵ Данная систематизация была положена А.В. Сулимовым в основу анализа «русского семиозиса» (см.: *Сулимов А.В.* Философия и логика русского языкового континуума. — Сыктывкар, 2005; *Русский семиозис: проблемы методологии исследования / В.А. Сулимов // Фундаментальные проблемы культурологии: В 4 т. Том 2: Историческая культурология / отв. ред. Д.Л. Спивак. — СПб.: Алетейя, 2008. — С. 283 — 297*). Оказалась она плодотворной и в социологическом анализе общественного мнения, проблемы социального признания бизнеса в России (см.: *Тульчинский Г.Л.* Бизнес в России: проблема социального признания и уважения. — М.: Вершина, 2006).

⁶ *Тульчинский Г.Л.* Имперская культура как потенциал свободы // Империя и либералы. — СПб.: Звезда, 2001. — С. 46 — 51; *Тульчинский Г.Л.* Постимперская культура как ресурс и барьер инновационного развития // *Философские науки.* 2010. № 1. — С. 46 — 68; *Тульчинский Г.Л.* Сингапур: персонифицированный менеджмент успешного проекта нации // *Управление: интеллект и субъективность.* — СПб.: СПб ГПУ. 2002. — С. 39 — 40.

⁷ См.: *Тульчинский Г.Л.* О М. Вебере, аскезе и организованной преступности (Коллективизм как необходимый фактор успешной модернизации) // *Философия и цивилизация.* — СПб.: СПб ГУ, 1997. — С. 160 — 163; *Тульчинский Г.Л.* Корпоративность как социальная технология свободы и ответственности // *Философские науки.* 2009. № 3. — С. 25 — 44.

Аннотация

Российская культура: почему она такая и что с ней делать? Главной особенностью российской культуры является ее апофатичность, которая коренится как в образе жизни, так и духовном опыте, его осмысляющем. Парадоксально, но это обстоятельство является потенциалом инновационного развития. Его реализация — задача конкретной социальной технологии.

Ключевые слова:

апофатизм, модернизация, российская культура, собственность.

Summary

Russian culture: why it is such as it is and what is to do down with it? Main specific of Russian culture is its apophatic essence which is rooted in the way of life and spiritual experience. This circumstance paradoxically is potential for modernization. Successful realization of this potentia is a task for the concrete social technology.

Keywords:

apophatic, modernization, property, Russian culture.